

П.Н. Барышников

МИФОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Несмотря на то, что идея современного мифотворчества не нова и рассматривалась многими крупными исследователями (Мелетинский Е.М. [1], Найдыш В.М. [2], Хюбнер К. [3], Богданов К. [4], Нелюдов С.Ю. [5], Брагина Н.Г. [6]), а также целым рядом авторов из Центра типологии и семиотики фольклора при РГГУ [7], в традиционном понимании понятие мифа связано с особой архаичной формой культуры, с первобытными верованиями, с древней устной традицией, не имеющей ничего общего с объективной действительностью.

Но, как показывают современные исследования, миф, являясь неотъемлемой частью культуры, принимает новые формы воплощения в зависимости от социально-исторического фона того или иного периода. Поэтому представляется вполне закономерным в период научно-технического прогресса всплеск неомистицизма, околонуточных форм знания, деятельности деструктивных сект и т.д. Эти социальные тенденции являются естественной реакцией социально-культурного пространства на «посягательство» со стороны рациональной науки и высоких технологий на сакральную сторону бытия. По причине религиозно-духовного невежества, связанного с методичным уничтожением религиозной мысли в советский период, в России особенно остро ощущается проявление архаичных мифологических образов через неорелигиозную и политическую идеологию [8]. «Мы являемся свидетелями того, как по идущим из глубины веков архаическим моделям в современной политике и идеологии воссоздаются старые мифы в новых социальных и национальных оболочках» [5].

В задачи данной статьи входят обзор и классификация современных типов актуализации мифологического сознания.

Прежде всего, необходимо определиться с рабочим определением мифа. За всю историю философии мифологии были созданы сотни определений, отражающих мировоззрение исследователя как обладателя той или иной культурно-исторической позиции, согласно которой анализировался миф. Диапазон разночтений простирается от «мифа как подлинной реальности» до «мифа как универсального символического ключа к постижению всей человеческой культуры» [2]. Большинство теорий мифа строились на критериях истинности мифологического содержания и на степени его соответствия исторической действительности на фактологическом, аллегорическом или символиче-

ском уровне. Мы предпочитаем несколько отклониться от общепринятой парадигмы исследования и рассматривать *миф как необходимый культурный продукт духовной деятельности человечества, обусловленный необходимостью сакрализации повседневности.*

Здесь возникают вопросы относительно природы сакрального и повседневного. На уровне социальных кодексов эти две стороны бытия были всегда разведены, и их соседство в одном определении выглядит на первый взгляд неправомерным. Но миф как культурное явление, на наш взгляд, балансирует на грани профанного и сакрального. Мифологизация повседневного опыта трансформирует его священные истории, и наоборот, обмирщение сакральных ценностей всегда сопровождается мифами повседневности.

Существует полнофункциональный миф, который носителями мифологического сознания понимается как подлинное бытие, и который невозможно подвести под заблуждение, принимаемое большинством, так как для мифологического сознания пока не существует знания, открывающего «истинного положения вещей». И существует миф, вписанный в культуру, который может быть объективирован в рамках той или иной парадигмы мышления, и, разумеется, субъект в этом случае вынесен за рамки мифологической системы.

Важно отметить, что примитивные общества, обладающие подобным мироощущением, приходят к мифологической картине мира совершенно спонтанно универсальным законам развития культуры. В данном случае миф – необходимая стадия развития общества. Схожей картиной мира обладают и современные представители неокультных течений, финансовых пирамид, политических партий и т.д., которые не в состоянии покинуть культурное пространство собственного верования и аксиологических ориентиров, покоящихся на архетипных семантических моделях, таких как «Золотой век человечества», «Апокалипсис», «Мировое зло», «Рай на Земле», «Вечная молодость» и т.д. Но принципиальное отличие современных мифологических систем от архаичных состоит в том, что большинство из них являет собой искусственный интеллектуальный продукт, направленный на манипуляцию массовым сознанием.

В свете этих суждений возможны два варианта типологических систем. В одном случае можно выделить парные типы мифов: архаичные и современные, спонтанные и смоделированные, в другом – типы мифов можно различить по функциям дискурсивных позиций субъекта: погруженность в мифологическую систему и метапозиция относительно функционирующего мифа.

Несмотря на то, что на современном историческом этапе ещё существуют естественные мифологические системы, как, например, в некоторых племенах Азии, Африки, Южной Америки, удалённых от очагов технократической западноцентристской цивилизации, мифами современности мы будем называть культурные явления, обладающие мифологической природой, но зародившиеся в культуре научно-рационального общества.

Довольно трудно представить развёрнутую классификацию современных продуктов современного мифотворчества, но мы попытаемся обозначить возможные пути их теоретического исследования.

Так как любая мифология непосредственно связана с дискурсивной практикой или текстовой традицией, то существует риск подвести под понятие мифа чуть ли не всю современную культуру и большинство областей духовной деятельности человечества. На наш взгляд, любая мифологическая система являет собой единство когнитивно-образных компонентов, которые онтологизируются в мифологическом сознании субъекта. Таким образом, аттестацию мифа можно проводить только субъекту или группе с иными концептуальными ориентирами. На наш взгляд, за типологический критерий можно взять насыщенность сакральными смыслами культурного текста.

Наиболее распространённой темой современных работ о мифе является область политического дискурса [9, 10, 11]. Известно, что при создании идеологических текстов используются метафорические образы, коррелирующие с архетипикой массового сознания, привлекаются языковые, сценические, технические и прочие средства, затрагивающие эмоционально-чувственную сторону воображения, участвующую в мифогенезе. Эти же приёмы используются при агитации, при политических дебатах, при создании любого идеологически насыщенного информационного пространства. Достаточно включить телевизор, чтобы из уст политика посредством экспрессивной полисемичной лексики родились образы «Золотого века», «Конца света», «Великой расы», «Вечной справедливости», а также образы эпических героев, спасителей, благодетелей и т.д. Даже при самом критичном подходе к подобного рода PR-мифологемам, система образов уже будет навязана адресату, так как при усвоении такой информации резонируют глубинные структуры мифологического сознания, к которому, на наш взгляд, в условиях глобализации и духовного кризиса западноцентристской, технократической культуры в особенности предрасположен современный человек. Характерной особенностью PR-мифологии является то, что на основе архетипных образов и универсальных мотивов искусст-

венно моделируется система образных верований, впоследствии воспринимаемая субъектом (избирателем, потребителем) как подлинная реальность.

К подклассу PR или идеологической мифологии, на наш взгляд, можно отнести так называемые маркетинговые мифы, которые за счёт архетипности дискурсивно воспроизводимых образов манипулируют сознанием покупателя, склоняя его к приобретению товаров или услуг. Типичным примером может служить реклама, а также популярные в настоящее время «дизайнерские тексты». Например, на обложке меню одного из московских пивных ресторанов размещена «правдивая» история о том, как «владелец этого заведения случайно нашёл в старинной кирпичной стене запылённую бутылку с домашним пивом, на которой чудесным образом сохранилась бумажка с составом и секретным рецептом изготовления; с тех пор слава этого московского пивного заведения понеслась по всей Руси...» Причём посетителя ненавязчиво уверяют в исторической достоверности описываемого факта, что и должно сыграть решающую роль при выборе сортов пива и дальнейшего меню, рекомендуемых всё тем же владельцем. Маркетинговая мифология, моделирующая культурное и эстетическое пространство в сознании покупателя, мало исследована, и, на наш взгляд, методология философии мифологии могла бы принести в этом ключе ощутимые результаты.

В следующей довольно масштабной сфере мифогенеза расположились, как это ни странно, научно-рациональный и обыденный типы знания. Точкой пресечения этих диаметрально противоположных типов послужила очередная волна мистицизма, характерная для исторических этапов, связанных с экономической и духовной нестабильностью, с кризисом гуманистических идей, с войнами, катастрофами и т.д. (достаточно вспомнить расцвет мистических школ накануне распада Римской Империи или моду на спиритизм и теософию в России в начале XX столетия). Конец XX – начало XXI века также ознаменованы новой исторической волной мифологизации культуры, когда «массовое сознание ремифологизируется <...>, когда происходит всплеск интереса к мистицизму, расцвет квазинаучного мифотворчества, паракультурных форм сознания оккультизма, магии, астрологии; когда бегство от материализма к мистике от науки к мифу стало модой для ответственного и зарубежного безбрежного скептицизма» [12]. Любопытно, что мифологическое знание не противопоставлено науке, а органично вплетается в научный институт, вызывая нарекания лишь со стороны учёных, придерживающихся радикальных рациональных взглядов. В остальном же синтез культурных слоёв в лоне науки приветствуется.

Так, в физике есть приверженцы теории торсионных полей, в астрономии – искатели внеземных цивилизаций, в лингвистике – реконструкторы единого Пра-языка, а наравне с традиционной психологией сегодня сосуществуют трансперсональная психология, школы «диагностики кармы», «анализа энергетических спектров ауры» и прочие направления, использующие магические культы, шаманские практики, теокосмогонию и телеологию восточных религий. Первопроходцы квазинаучного мифотворчества, среди которых есть люди из системы научно-рационального знания, обладатели степеней и званий пытаются выдать свою деятельность за особую высшую форму познания, которая якобы способна в ближайшее время заменить традиционные научные системы экспериментального и теоретического поиска [12]. В эпоху релятивизма и плюрализма наука не смогла поставить мировоззренческий или методологический барьер для мифологического сознания, и выступила благоприятной средой для интеграции современного мифотворчества.

Параллельно с описанными тенденциями в науке развивается обывательский неомистицизм, причём в моде стали не только традиционные колдуны и гадалки, но всевозможные «цигуны», «рейки», «сюмороны» и т.д. Диапазон миропредставлений раскинулся от примитивной бытовой магии до сложных наукообразных астрологических системных расчётов. Вместе с обыденным интересом к магии и мистицизму получает развитие фольклорное сознание, воспроизводящее мифы в быличках об НЛЮ и Шамбале, о древних цивилизациях сверхлюдей и об инопланетном заселении планеты Земля, о домовых, духах, и о таинственных знаках, о вселенском заговоре и о секретном оружии, о тайных орденах и эсхатологических знамениях и т.п. Причиной перечисленных мифологических мотивов, на наш взгляд, является вечная жажда познания чудесного и необычного, а также бегство от жестокой, воплощённое в наивной, но неизменной мечте о лучшем мире, которая ранее компенсировалась торжественным триумфом рационализма и научным оптимизмом.

Любопытно, что неомифотворчество как проблема современности объединило науку с религией. Дело в том, что представители традиционных конфессий во всеуслышание заявляют о повсеместном засилии сект, о распространении суеверий и неорелигиозных мифов, которые ведут к раскольности, экстремизму, нацизму и прочим формам социальной нестабильности [8]. Мифогенез внутри современных религиозных институтов – это реакция общества на общегуманистический кризис. В поиске чудесного утешения человек готов сакрализировать собственные повседневные мечты и фантазии, основанные на архаич-

ных моделях, не раз воспроизводившихся в различных областях мировой культуры.

Итак, очевидно, что миф является культурным продуктом не только архаичного сознания. Принимая современные формы, миф участвует фактически во всех сферах духовной деятельности человечества. Так как современный человек предрасположен к активности мифомышления, то, на наш взгляд, в актуальные задачи философии мифологии входит разработка методов выявления, аттестации и типологизации архаичных мифологических мотивов в культурных продуктах, направленных на манипуляцию сознанием и на нарушение социальных свобод и справедливости.

Библиографический список

1. **Мелетинский, Е.М.** От мифа к литературе [Текст] / Е.М. Мелетинский. – М., 2001. – 170 с.
2. **Найдыш, В.М.** Философия мифологии XIX – начало XXI в. [Текст] / В.М. Найдыш. – М., 2004. – 544 с.
3. **Хюбнер, К.** Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. – М.: Республика, 1996. – 387 с.
4. **Богданов, К.** Повседневность и мифология [Текст] / К. Богданов. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 438 с.
5. **Неклюдов, С.Ю.** Мифы и мифология современной России [Текст] / С.Ю. Неклюдов // Структура и функция мифа. – М., 2000. – С. 17-38.
6. **Брагина, Н.Г.** Память в языке и культуре [Текст] / Н.Г. Брагина. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
7. Современная российская мифология [Текст]; сост. М.В. Ахметова. – М.: РГГУ, 2005. – 285 с.
8. **Кураев, А.** Почему православные такие? [Текст] / А. Кураев. – М.: Подворье Свято-Троицкой Сергиевской Лавры, 2006. – 528 с.
9. **Барт, Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. – М., 1994.
10. **Сарна, А.** Метафора в дискурсе идеологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ihtik.ru
11. **Шатин, Ю.** Политический миф и его художественная деконструкция [Текст] / Ю. Шатин // Критика и семиотика. Вып. 6, 2003. – С. 67-78.
12. **Найдыш, В.М.** Философия мифологии от Античности до эпохи Романтизма [Текст]. – М.: Гардарики, 2002.